

ни есть произведение, явно игнорируемое представителями обеих тенденций (имеются в виду ортодоксально-большевистская и либерально-антибольшевистская. – Г.Р.) Это крошечный трактат о Боге и человеке, точнее о служении высшему благу. Рассуждение оформлено в виде рецензии на еще только обещанный выход нового перевода сочинения Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» и помещено в «Современнике».... Пушкин открыто признается в своей преданности учению Христа на глазах у той общественности, которая щеголяла своим безверием или, по крайней мере, равнодушием к религии и которая уже хоть и сдержанно, но осудила его более ранние признания в преданности престолу и государству («Стансы», «Друзья». «Клеветникам России»).... И если столь недвусмысленно перед лицом современников и потомков он заявляет о своей вере и убеждении, значит, это подлинная вера и убеждение» [6].

Таким образом, обоих писателей привлекла в книге проповедь добра, милосердия, сострадания, им обоим был близок назидательный тон книги. Взгляды Шевырева и Пушкина сближаются здесь до полного совпадения, и именно поэтому свои размышления о книге Пеллико Пушкин заключает цитатой из статьи Шевырева, выражая полное согласие с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Московский наблюдатель, 1837, часть 11, № 1-4. – С. 397-404.
2. Краткая литературная энциклопедия. – М., 1962. – Т. 1. – С. 375.
3. Шевырев С.П. Критика. Перечень наблюдателя // Московский наблюдатель, 1837, часть 12. – С. 311-326.
4. Московский Наблюдатель, 1836, часть VI, № 1-4. – С. 77 – 105.
5. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 16-ти т.т., М.-Л., 1937-1949. – С. 99.
6. Сквозников В.Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. – М., 1998. – С. 165, 168-169.

G. Ramazanova

PUSHKIN AND “MOSKOVSKIY NABLYUDATEL” (MOSCOW OBSERVER) (PUBLICATIONS FROM THE JOURNAL, WITH REGARD TO THE POET’S DEATH)

Abstract: The article analyses the publications from the “Moskovskiy Nablyudatel”, devoted to Pushkin, which came out after the poet’s death. They are presented by a critical analysis of the journal “Sovremennik” with its interpretations of Pushkin’s last works and a little known poem by an Azerbaijani writer Mirza-Fatkhan-Ali Akhyndov “On Pushkin’s death” (1937), a work of deep contents and original imagery.

Key words: comment, Eastern poetry, aphoristic form.

УДК 82-6

Спицына Л.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ХОВЕЛЬЯНОСА*

Аннотация. Статья посвящена творчеству испанского писателя XVIII века Бальтасара Гаспара Мельчора Марии Ховельянос. В ней рассматривается эпистолярное наследие испанского писателя. Ховельянос был одним из первых, кто отошел от привычных испанской литературе форм письма, в котором на первом месте стоял эмоционально-личный аспект. По этим причинам одни письма относятся к дневникам, а другие к художественным произведениям. Ховельянос усложняет свои произведения, включая в них комментарий и анализ текстов других жанров. Именно этот прием развивают испанские писатели

XIX, а затем и XX веков.

Ключевые слова: письмо, путешествие.

В творчестве выдающегося испанского мыслителя, политического деятеля, юриста и писателя Бальтасара Гаспара Мельчора Марии Ховельянос эпистолярная литература занимала важное место. Он был одним из первых, кто отошел от привычных испанской литературе форм письма, в котором на первом месте стоял эмоционально-личный аспект. Ховельянос усложняет свои произведения, включая в них комментарий и анализ текстов других жанров. Именно этот прием развивают испанские писатели XIX, а затем

* © Спицына Л.А.

и XX веков.

Ховельянос пробовал свои силы в разных формах и жанрах. Ведь он по своей основной деятельности был государственным служащим, поэтому «в своих произведениях давал свободу своей фантазии» [1, 18]. Писатель мог позволить себе «описывать только то, что ему было интересно» [1, 28]. Сложное соотношение классицистических, барочных, сентиментальных и предромантических элементов пройдет в той или иной форме на протяжении всего творчества Ховельяноса. Ведущим литературным направлением, к которому принадлежал писатель, принято считать Просвещение [2, 111]. Влияние Ховельяноса на испанскую литературу, как отмечал крупнейший испанский специалист по Ховельяносу Г. Гомес де ла Серна, «было в меньшей степени влиянием поэта, в большей степени влиянием просветителя-мыслителя» [3, 87]. При анализе творчества Ховельяноса следует учитывать следующий факт: его произведения были напечатаны только после того, как он вышел в отставку. Это было не только соблюдением буквы закона, но и сознательным выбором. Перед отдельным изданием Ховельянос тщательно редактировал свои произведения, иногда полностью переписывал.

Литературный энциклопедический словарь определяет эпистолярную литературу как переписку, изначально задуманную или позднее осмысленную как художественная или публицистическая проза, предполагающую широкий круг читателей. Такая переписка легко теряет двусторонний характер, превращаясь в серию писем к условному или номинальному адресату. Однако именно ориентация на адресата, пусть воображаемого, составляет важный опознавательный признак эпистолярной литературы, отличающей ее от записок и дневника [4, 512].

Эпистолярное наследие Ховельяноса делится на переписку с родственниками и друзьями как конкретными адресатами и художественные произведения. Испанские исследователи поделили творчество Ховельяноса на две группы [5, 86]. К первой относятся так называемые «дневниковые произведения», которые сейчас объединены в цикл «Литературный дневник». Это творчество Ховельяноса, которое автор не превратил в художественные произведения. К ним относятся переписка между писателем и его друзьями и родственниками. Ко второй относятся собственно художественные произведения, которые чаще всего возникли из «дневниковых».

Испанские литературоведы объединили их в цикл «Художественные произведения». Данная группа включает в себя два раздела: лирика и проза. Многие прозаические произведения написаны в форме письма. В связи с тем, что вторая группа оказала большее влияние на развитие испанской литературы, в данной статье ей будет уделено больше внимания.

Письма, адресованные родственникам, носят интимный субъективный характер. Они наглядно показали процесс формирования его многих теоретических концепций. Ховельянос объясняет свою литературную концепцию. Из них можно узнать историю появления того или иного произведения, а также взгляды писателя на испанскую и западную литературу.

Литература для Ховельяноса была своеобразным увлечением. Ведь он занимал пост судьи и не мог и имел права, руководствуясь требованиями устава испанских законников, публиковать свои работы, поэтому «должен был тщательно их скрывать» [1, 1]. Эта цитата из письма Ховельяноса своему старшему брату Франсиско де Паула, которому он отсыпал свои лирические произведения. Писатель был самым младшим среди одиннадцати детей Франсиско Грегорио де Ховельяноса, но больше всего он любил именно Франсиско. В вышеприведенном письме Ховельянос выражал идеи, созвучные тому варианту классицизма, который излагался и развивался в литературных кругах Испании. Писатель считал, что «испанская литература достигла в XVI веке совершенства, но поэты, чрезмерно подражая в XVII веке латинским и итальянским художественным образцам, извратили столь присущее ей своеобразие и, как следствие, литературный вкус нации, а во второй половине восемнадцатого века вкус постепенно стал возрождаться» [1, 3].

В.В. Суховерхов в своей статье, посвященной творчеству Ховельяноса, отмечает, что «лирика Ховельяноса явно создана под влиянием французской литературы» [6, 70]. Надо отметить, что в испанском обществе интеллектуалов называли *ilustrados*, либо шутливо – *alumbrados* – просвещенными, или просветленными. Оппоненты же подобрали более критическое определение их позиции – *afrancesados* – офранцузившимися. Для определенной части испанского общества, в том числе и для Ховельяноса, революционизирующаяся Франция была тем примером, который должна принимать во внимание Испания. Можно предположить, что и эпис-

толлярные произведения Ховельяноса также создавались под влиянием французской традиции. «XVII век во Франции – эпоха расцвета эпистолярного искусства» [7, 70]. Обращаем внимание, что в испанской литературе XVIII века жанр письма был сравнительно новым. Мода на него возникнет только в конце восемнадцатого века, когда появятся романы в письмах. А в начале XVIII века испанские произведения эпистолярной литературы носили ярко выраженный подражательный характер [5, 48]. В испанском литературоведении выдвигается предположение, что Ховельянос эпистолярная литература привлекла возможностью экспериментировать как с формой, так и со словом [5, 51]. Именно внимание к многозначности испанских слов, которое превращается в его произведениях в многогликий образ, отличает творчество Ховельяноса от его современников. «Именно эпистолярная культура всегда воспроизводит как бы в миниатюре общий облик культуры слова» [8, 10].

Писатель в «Прологе» к трагедии «Пелайо» (1769) признался в симпатии не столько к французской литературе, сколько к пристрастию к экспериментированию: «попробую писать в их стиле» [1, 51]. Обращает на себя слово «попробую». Следовательно, творчество для Ховельяноса – это проба пера, своеобразный эксперимент. И тот факт, что он не зависел от гонораров, позволил ему нетрадиционно раскрывать общепринятые каноны. Именно по этим причинам произведение Ховельяноса сейчас относят к разным стилям и направлениям восемнадцатого века. Данное разнотечение в оценке творчества писателя возникло по многим причинам. Первым критиком произведений Ховельяноса было его ближайшее окружение. Оно, скорее всего, привносило в рецензии свою оценку личности писателя. Эти явно субъективные высказывания и оценки помогали Ховельяносу редактировать текст перед тем, как с ним познакомится массовый читатель. Первые публикации появились в журналах еще во время юридической практики и не воспринимались писателем как начало литературного творчества. Журнальные публикации приравнивались к научным. Это повлияло на творчество Ховельяноса, потому что он и в художественные произведения, в том числе и в лирику, начал включать научный анализ, который был принят только в деловых письмах. Существует предположение, что он был родоначальником испанской критики [5, 51]. Данное утверждение не совсем верно, потому

что разбор произведений – это часть художественного текста, а не самостоятельное и самодостаточное творчество. Но важно отметить, что Ховельянос был одним из первых, кто стал не только записывать фольклорные произведения, а также включать их в свой оригинальный текст.

В 1782 году писатель вместе со своим братом Франсиско решил покинуть столицу и отправиться вместе на родину. В связи с тем, что его друг Антонио Понс остался в Мадриде редактировать свой журнал «Испанское путешествие», Ховельянос решил подробно описывать в письмах все события, происходившие с ним в пути. У друзей завязалась переписка. Так появилось первое произведение «Путешествие по Астурнии 1782 года». Оно состоит из писем Ховельяноса и Антонио Понса, который в своих ответах рассказывает своему другу о событиях в Мадриде и комментирует путешествие братьев. Испанские исследователи творчества Ховельяноса «Путешествие по Астурнии 1782 года» относят не к художественным, а к дневниковым произведениям [5, 60]. И действительно, в конце 1782 года Ховельянос полностью переписал текст. По этим причинам существует художественное произведение Ховельяноса под двумя разными названиями. Речь идет о «Письмах Понсу». Это журнальное название произведения, которое Ховельянос написал в конце 1782 году по мотивам переписки между друзьями. Оно состоит из писем, каждое из которых имеет свой подзаголовок. Антонио Понс, которому они были адресованы, опубликовал их в своем журнале «Испанское путешествие». И воспринимались они именно как журнальная публикация наподобие статьи. А художественное произведение, которое появилось гораздо позже, называется «Письма из путешествия по Астурнии». Оно знакомит читателя с традициями и обычаями жителей провинции Астурнии. В нем подробно описываются как достопримечательности, так и фольклорные праздники.

Выдвигается предположение, что это был один из первых туристических путеводителей. Ховельянос не случайно выбрал свою родную провинцию, которую знал и любил. Описывая ее с топографической точностью путеводителя, он отмечал национальные астурийские традиции, сложившиеся с момента ее возникновения, как эти традиции влияют на развитие испанской культуры. Этот обширный материал позволял увидеть читателям провинцию с различных точек зрения исследователя. Подобная литература была

популярна в Европе, и хотелось бы привести тот факт, что опять-таки в 1782 году американец Томас Джейферсон приступил к работе над «Заметками о штате Виргиния». Он издал их в Париже у известного французского издателя Филиппа-Дени Пьера. И если Джейфтерсона относят к первым литераторам США, то Ховельянос, обращаясь к многовековым традициям австрийской культуры, ответил на вопрос француза как истинный патриот своей родины.

Другая трактовка вводит это произведение в контекст европейской литературы [5, 28]. Название и содержание явно созвучно творчеству английского писателя Лоренса Стерна. Проводя параллели между «Сентиментальным путешествием по Франции и Италии» и «Письма путешественника по Астурнии», исследователи творчества Ховельяноса пишут о нем как о сентименталисте [5, 89]. Это произведение сыграло важную роль в истории испанской литературы. Ховельянос был одним из первых, кто не просто цитировал тексты фольклорных произведений, он их включил в художественное повествование. И именно этот прием будет использован другими испанскими писателями.

В качестве примера разберем письмо «Антонио Понсу о ромериях в Астурнии». Ромерия – это название фольклорных развлекательных представлений с песнями и танцами. Начинается письмо с просьбы разрешить автору описывать веселые темы: «Дорогой мой друг: в предыдущих письмах мы с тобой обсуждали серьезные вопросы, поэтому разреши мне в этот раз затронуть веселые и развлекательные темы» [9, 254]. В произведении подробно описывается ромерия, приводятся тексты песен, исполняющихся под аккомпанемент народных инструментов. Как и в случае с другими письмами, цитируются отдельные куплеты, далее идет комментарий. Следует отметить, что данный прием часто используется испанской эпистолярной литературой. В качестве примера можно привести эпистолярный роман младшего современника Ховельяноса Мор де Фуэнтеса «Серафина» (1795), текст которого представляет собой сочетание авторской и народной прозы и поэзии. Примером может служить письмо 37, в котором описывается романс. Ховельянос использовал в письме «Антонио Понсу о ромериях в Астурнии» прием кольцевой композиции: оригинальный текст начинает и заканчивает произведение, внутри которого цитируются фольклорные произведения, в частности романсы.

Если принимать во внимание, что по традиции романсы разделяются на старые, или народные (*viejos o populares*), и новые, или артистические (*artisticos o nuevos*), то к XVIII веку это противопоставление несколько утрачивает свои границы. Испанские писатели и поэты свободно использовали традиции того или иного варианта романса. Важным моментом было обращение к исконным корням, что предоставляло иные возможности для произведения XVIII века. Здесь удивительным образом сплавлялись воедино традиция и новаторство.

В испанском литературоведении подчеркивается, что первые записи романсов относили как к «Хроникам», так и к письмам образованных людей.

В письме «Антонио Понсу о ромериях в Астурнии», помимо романсов, подробно разбирается другой фольклорный жанр – копла. Это народное четверостишие, как правило, носит разоблачительный или мелодраматический характер. В письме подчеркивается, что в Астурнии исполнение произведений данного жанра является только частью праздника ромерии или свадебного обряда. Как правило, коплу исполняли для жениха. В письме «Антонио Понсу о ромериях в Астурнии» приводится текст как раз свадебной коплы, потому что на ромериях исполняют четверостишие, в котором употребляются нецензурные выражения. Ховельянос пишет о том, что лично ему больше нравятся произведения о любви, поэтому он и рассказывает про свадебные обряды [9, 262].

В XX веке появятся романы, полностью построенные на тексте коплы. Приведем следующий пример. Название романа «Arroz y tartana» (1902) испанского писателя Висенте Бласко Ибаньеса взято из коплы. Но это уже произведение, написанное на другом наречии. Если у Ховельяноса действие происходит в Астурии восемнадцатого века, то Висенте Бласко Ибаньес описал свою родную Валенсию начала двадцатого века. Роман «Arroz y tartana» написан на кастильском наречии с использованием отдельных фраз на валенсианском. Висенте Бласко Ибаньес в произведении приводит полностью его текст, чтобы читатель, мало знакомый с валенсианским фольклором, точно понял его смысл. Для испанского писателя это было важно, потому что в романе он обыгрывает название, взятое из первой строчки *copla*. Дословный перевод – это “рис и тартана”. У испанского слова “arroz”, помимо прямого значения “рис”, есть закрепленное фразеологическое значение. Оно входит в

состав многих фразеологизмов с одним и тем же значением. Ближе всего к нему русский фразеологизм “пир на весь мир”. В романе обыгрывается описанная выше семантика словосочетания «*Arroz y tartana*». Один образ жизни олицетворяет главная героиня донья Мануэла, а второй – ее брат дон Хуан. Как раз для него племянницы исполняют *copla*, мораль которой сводится к мысли о том, что жить надо по средствам, а не устраивать пир каждый день. Именно такой образ жизни ведет Мануэла. А Хуан придерживается старых традиций жить по средствам.

Ховельянос «просто следовал обще-принятой практике в испанской литературе восемнадцатого века, создавая свой текст на базе предшествующих источников, когда брали за основу канонический текст, а потом комментировали его» [5, 48]. Об этом свидетельствует произведение, которое называется «Продолжение парофразы псалма *Бог*». Это письмо начинается со следующей фразы: «Парафраза псалма сделана автором во время замечательного отдыха в замке Бельвер, о чем он записал в данном письме» [9, 240]. Данное произведение интересно своей композицией. Оно условно делится на две части. В первой, выделенной курсивом автор цитирует текст псалма на латинском языке. Во второй он сначала подражает первоисточнику, создавая своеобразный перевод отрывков на испанский язык, но затем пишет уже на разговорном языке свою молитву. Интересно, что в произведении выделяются только латинские фразы, а их перевод сливаются с авторским текстом. Еще раз напомним, что и по жанру, и по форме это письмо, обращенное к читателю. Здесь видна трансформация жанра. Сначала была описана переписка между родственниками. Данное произведение относится к письмам с условным или номинальным адресатом.

Следует отметить, что замок Бельвер упомянут в другом названии. Ведь он привлекал внимание писателя на протяжении всей его жизни. Еще в детстве Ховельянос увидел величественный замок, куда он впоследствии неоднократно приезжал. Речь идет о произведении «Воспоминания о замке Бельвер». Сначала подробно описывается замок. Автор как бы усыпляет читателя обилием деталей. Создается впечатление, что перед нами туристический путеводитель по замку: «Внутренняя часть крепости отделана средневековым камнем, из которого сделана также галерея. Эта галерея состоит из двадцати одной расписанной арки, или, правильно сказать, из сорока

двух плит» [9, 110]. И тем большее впечатление оказывает вторая часть, когда автор переходит к так называемым иллюзиям (так в Испании восемнадцатого века называли прием восстановления хронологии событий). Перед читателем возникают величественные картины преступлений и подвигов, происходивших в этом замке. Перенос акцента с констатации внешнего мира на его познание сделан был Ховельяносом изящно и естественно, и часто присущая ему дидактика растворилась в тщательно отобранных и изображенных событиях. Поэтому становится понятна позиция исследователя творчества Ховельяноса Мануэля Фернандеса Альвареса, который отнес это произведение к предромантизму [4, 20]. Следует отметить, что замок Бельвер описывается во многих произведениях, в том числе и «дневниковых». Интересно, что З.И. Плавскин также пишет о предромантических мотивах: «В прозаическом «Историко-художественном описании замка Бельвер» одухотворенному пейзажу соответствует лирическое переживание истории замка, красочное описание битв, развертывавшихся под его стенами, и меланхолическое воспоминание о давно канувшей в Лето славе; здесь мы имеем дело с предромантическими мотивами, но в конце XVIII века они проступают уже весьма отчетливо и в поэзии, и в прозе» [2, 115]. Обращает на себя внимание тот факт, что указанное в вышеприведенной цитате произведение является своеобразным продолжением «Воспоминания о замке Бельвер», а некоторые абзацы даже дублируются. И все исследователи творчества Ховельяноса сходятся во мнении, что художественные произведения про замок (но не написанные в замке) относятся к предромантизму.

Художественная проза под названием «письмо» характеризуется сложной композицией. В большинстве произведений Ховельянос цитирует и комментирует текст других произведений. При этом оригинальная часть органично вплетена в канву первоисточника. В творчестве Ховельяноса эпистолярная форма продемонстрировала гибкость и способность автора впитывать достижения современной ему литературы, что и было продолжено его последователями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Jovellanos G.M. de. *Obras publicadas é inéditas*. – Madrid, 1933.
2. Плавскин З.И. Испанская литература XVII – середины XIX века. – М., 1978.
3. Gómez de la Serna G. *Jovellanos, el español perdido*. – Madrid, 1975. – Т. 1.

4. Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.
5. Manuel Fernández Alvarez. Jovellanos. Un hombre de nuestro tiempo. – Madrid, 1988.
6. Суховерхов В.В. Идейно-художественная эволюция поэтического творчества Г.М. де Ховельяноса. // Вопросы филологии. – М., 2000. – № 2 (5). – С. 69-74.
7. Дезен Н.А. Проблема жанра и традиции в письмах Мари де Севиньи. // Вести Московского университета. Серия 9. Филология. – 1988. – № 3. – С. 69-75.
8. Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. – М., 1981.
9. Jovellanos G.M. de. Antología. – Buenos Aires, 1978.

L. Spitsyna

TRANSFORMATION OF EPISTOLARY

LITERATURE IN CREATIVE WORKS BY JOVELLANOS

Abstract. This article is devoted to creativity of the Spanish writer of XVIII century Baltasar Gaspar Melchor Maria Jovellanos. In it the epistolary heritage of the Spanish writer is considered. Jovellanos was one of the first who has departed from usual to the Spanish literature forms of the letter in which on the first place there was a emotional-personal aspect. For these reasons some letters concern to diaries, and others to works of art. Jovellanos complicates his works products, including in them the comment and the analysis of texts of other genres. This method is developed by the Spanish writers XIX, and then XX century too.

Key words: the letter, travel.

УДК 82-43

Хайруллина О.Н.

**«ВЕЧНОЕ» И «ПРЕХОДЯЩЕЕ»
В ПАЛЕСТИНСКИХ ЗАПИСКАХ П.А. ВЯЗЕМСКОГО***

Аннотация: В статье анализируются очерки и стихотворения, которые, дополняя друг друга, создают единое художественное повествование о духовном открытии Палестины Вяземским.

Ключевые слова: очерки, художественное повествование, духовное открытие Палестины.

Паломническая тема, начиная с «Хождения» игумена Даниила, всегда занимала важное место в русской литературе. В XIX в. к описанию Святых мест обращаются А.Н. Муравьев [1], А.С. Норов [2], Н.В. Берг [3]. Нашла отражение эта тема и в творчестве П.А. Вяземского.

В исследовательской литературе, посвященной П.А. Вяземскому, предметом пристального внимания становилась первая половина его жизни и творчества (1810-30-е годы): он рассматривался как поэт «пушкинской плеяды», романтик, близкий декабристским кругам [4]. Литературная деятельность 40-70-х годов практически обходилась вниманием, а вместе с тем, этот период не менее значителен, чем «романтический». Жизненные испытания, которые выпали на долю писателя, наложили отпечаток на его миро-

ощущение и творчество: поэзия, мемуары, литературная критика этого времени обращены к размышлениям о смысле жизни, о трагичности бытия.

Именно в этот период состоялась поездка писателя в Иерусалим. Вместе с женой он отправляется на Восток (в Константинополь и Палестину) в апреле 1850 г. и с 4 по 20 мая находится в Иерусалиме. Литературным результатом этого события стали очерки «Путешествие на Восток», опубликованные только в 1883 г., после смерти писателя, его внуком С.Д. Шереметевым [5]. Палестинские впечатления отразились также в стихотворениях: «Иерусалим» (1850), «Палестина» (1853), которое критик «Русского вестника» М.Н. Лонгинов назвал «драгоценнейшим произведением нашей поэзии» [6]; «Одно сокровище» (1853), «Александру Андреевичу Иванову» (1858).

Эти произведения, дополняя друг друга, создают единое художественное повествование о духовном открытии Палестины, которое стало для поэта «святым подвигом», где «каждый час должен быть дорог и запечатлен в памяти ума, чувства и души» [7].

Я видел древний Иордан.

Святой любви и страха полный,

* © Хайруллина О.Н.